

A portrait of a woman with dark, wavy hair, looking slightly down and to the right. She is wearing a yellow, short-sleeved dress with black bows on the shoulders and a white lace shawl draped over her left shoulder. The background is dark and textured.

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

*Под покровом
ночи*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Элизабет Гаскелл
Под покровом ночи
Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67781946

*Под покровом ночи : роман / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. Н. Роговской: Азбука, Азбука-Антиквус; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-389-21477-4*

Аннотация

Английская писательница Элизабет Гаскелл (1810–1865), наряду с Диккенсом, Теккереем и Шарлоттой Бронте, принадлежит к яркой плеяде прославленных романистов Викторианской эпохи, а ее произведения признаны шедеврами мировой классики. В их числе романы «Мэри Бартон», «Крэнфорд», «Север и Юг», «Жены и дочери» и др. Роман «Под покровом ночи» (1863) на русском языке публикуется впервые. Действие разворачивается в провинциальном городке небольшого английского графства, на фоне панорамного изображения викторианских нравов и социальных предрассудков минувшего времени. Тонкий психологизм сочетается с захватывающим сюжетом, пружиной которого становится непредумышленное убийство, совершенное в пылу гнева и роковым образом повлиявшее на судьбу главных героев –

их жизнь превращается в арену вечного конфликта любви и рассудка, верности и предательства, добра и зла.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	45
Глава пятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Элизабет Гаскелл

Под покровом ночи

Elizabeth
GASKELLю
1810–1865

Перевод с английского Наталии Роговской

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Лет сорок тому назад в одном графстве жил весьма почтенный юрист по вопросам земли и недвижимости – мистер Уилкинс.

Графство было невелико: в главном городе, Хэмли, насчитывалось около четырех тысяч жителей, и, таким образом, положение самого видного юриста Хэмли – не бог весть какая репутация, если не прибавить к этому, что мистер Уилкинс единолично оказывал юридические услуги всем окрестным землевладельцам в радиусе двадцати миль. Соответствующей клиентурой оброс еще его дед; отец упрочил и углубил полезные связи: его дальновидные советы и безукоризненная честность, не говоря о совершенном знании своего дела, возвели его в ранг доверенного лица и надежного друга многих родовитых семейств. Он запросто навещался в усадьбы (о чем ни один законник «из простых» до него не смел и мечтать) и бывал зван к обеду – правда, всегда один, без жены. Иногда он как бы случайно подъезжал верхом к месту сбора на псовую охоту, экипированный не хуже любого сквайра, и после долгих уговоров (сперва для виду отнекиваясь, мол, «дела не ждут» и «нужно спешить в контору») соглашался принять участие в травле; пару раз он так увлекся, что, вопреки своему обыкновению, забыл про осторожность – первым подоспел к убитой дичи и вернулся домой с

трофеем. Но в целом Уилкинс знал свое место и чтит правила, принятые в тогдашней аристократической среде. Из этого ни в коем случае не следует, что он пресмыкался перед вышестоящими, отнюдь: он слишком уважал себя. Если требовалось, он без колебаний рекомендовал крайне неприятный для клиента выход из затруднительной ситуации: транжире предписывал безжалостное сокращение расходов, кичливому отцу семейства советовал умерить гордыню и не препятствовать счастливому браку детей; иногда он даже вступался за несправедливо притесняемого арендатора, что по тем временам было неслыханно и могло рассорить его с влиятельной персоной. В любых обстоятельствах он сохранял выдержку, такт, мудрость и доброжелательство – и потому нередко достигал своей цели.

У этого Уилкинса был единственный сын, Эдвард, – тайная радость и гордость отцовского сердца. И хотя на свой собственный счет Уилкинс никогда не строил амбициозных планов, ему тяжело далось признание того факта, что его юридическая практика слишком прибыльна и доход от нее слишком весом, чтобы передать ее в чужие руки, а именно этого требовали от него честолюбивые мечты дать сыну университетское образование, которое открыло бы перед юношей карьеру судебного адвоката. Решение в пользу практической целесообразности было принято, когда Эдвард учился в Итоне. Юный Уилкинс привык к тому, что карманных денег у него поболее, чем у любого из его школьных

товарищей, и свое образование рассчитывал продолжить в оксфордском колледже Крайст-Чёрч вместе с отпрысками сквайров, которым его отец оказывал юридические услуги. Узнав, что судьба его переменилась, юноша испытал жестокое разочарование: легко ли вернуться в Хэмли и довольствоваться ролью помощника отца, смириться с написанным ему на роду подчиненным положением, то есть вечно обслуживать тех, кто еще недавно уступал ему и в спорте, и в учебе!

Отец старался смягчить удар всеми способами, какие доступны за деньги. Лошади у Эдварда были чуть ли не лучше, чем у его отца; его любовь к литературе всемерно поощрялась – отец позволил ему создать обширную библиотеку, для которой к просторному дому мистера Уилкинса близ Хэмли пристроили отдельное помещение самых элегантных пропорций. А по завершении им годичного курса юриспруденции в Лондоне отец отправил его в большое путешествие по Европе, фактически не ограничив в расходах, если судить по многочисленным посылкам, доставляемым в Хэмли с разных концов Европейского континента.

И вот он вернулся домой – вернулся в провинциальный Хэмли в качестве делового партнера отца. Таким сыном всякий может гордиться, и мистера Уилкинса распирало от гордости за своего красивого, прекрасно воспитанного, благородного в истинном смысле слова мальчика. Ибо Эдвард не принадлежал к числу молодых баловней судьбы, кого чрез-

мерная родительская щедрость способна только испортить; если его характер и пострадал, это никак не проявлялось (по крайней мере, тогда). Он не имел склонности к низким порокам и, пожалуй, был слишком хорош для общества, с которым ему предстояло столкнуться, даже если бы это общество ограничилось лишь верхушкой клиентуры его отца. Он разбирался в литературе и делал успехи в живописи. Но главное, как любил повторять его отец, – у мальчика сердце было на месте: невозможно представить большей сыновней почтительности, чем та, какую неизменно выказывал ему Эдвард. (Матушка Эдварда давно покоилась в могиле.)

Не знаю, что побудило Эдварда посещать ассамблеи в Хэмли – собственные честолюбивые устремления или покорность воле отца, свято верившего, что его сын достоин самого лучшего. Рискну предположить второе: Эдвард, с его безупречным вкусом, не стал бы навязываться обществу – любому обществу. А по единодушному мнению жителей графства, никакое общество на свете не могло с бóльшим основанием считать себя избранным, чем то, которое каждый месяц при полной луне собиралось в Хэмли, в зале ассамблеи – уродливом наросте на здании главной городской гостиницы, возникшем вследствие пожертвований по подписке, распространенной среди благородных семейств графства. Простым горожанам в сие заповедное место вход был заказан; образованные люди, жившие своим трудом, никогда не переступали его порога; ни один пехотный офицер не ви-

дел своими глазами ни тамошней бальной залы, ни комнаты для игры в карты. В прежние времена отцы-основатели местного благородного собрания пожелали бы убедиться в чистоте крови и безупречности титула всякого нового члена, прежде чем позволить ему отвесить поклон «королеве вечера»; но отцы-основатели один за другим удалялись со сцены, а с ними вместе ушли менуэты и контрдансы. Нынче в моде была кадрили, и кое-кто из магнатов графства даже попытался приобщить почтенную публику к вальсу под впечатлением от увиденного в Лондоне, куда этот танец завезли представители союзных держав¹. Тогда-то и состоялся дебют Эдварда Уилкинса на достославном паркете ассамблеи. За границей молодой человек посещал множество блестящих балов, тем не менее маленький бальный зал, пристроенный к георгианской² гостинице в его родном городке, внушал ему робость и благоговение, каких он не испытывал в роскошных салонах Парижа и Рима. Он сам смеялся над своим безрассудным страхом, однако не в силах был побороть его.

Иногда Эдвард обедал в доме одного мелкопоместного дворянина, многим обязанного его отцу; к тому же у джентльмена было восемь дочек, одна страшнее другой, так что он не стал строить из себя неприступного аристокра-

---

¹ Имеется в виду антифранцузская коалиция европейских государств, объединившихся в военно-политический союз для борьбы с Наполеоном (1812–1815).

² Георгианский стиль в архитектуре (XVIII в.) – по имени четырех британских королей, правивших один за другим и носивших имя Георг.

та в ответ на вполне откровенную просьбу Уилкинса-старшего ввести Эдварда в высший свет Хэмли, воспользовавшись ближайшей ассамблеей. Однако многие сквайры, судя по их недовольному виду и грозным взорам, в штыки приняли нежданное появление сына какого-то там крючкотвора в своем священном чертоге, и, возможно, ассамблея доставила бы молодому Уилкинсу больше огорчений, чем радости, если бы не счастливый случай. Раз в сезон ассамблею в Хэмли удостаивал своим присутствием лорд-лейтенант графства, как правило в сопровождении большой свиты. В тот вечер, о котором идет речь, он обещал привезти в Хэмли великосветскую даму – герцогиню, ни больше ни меньше! – с дочерьми. Но время шло, а важных гостей все не было. Наконец почтенное общество всколыхнулось, встрепнулось, и в распахнутые двери вплыла великолепная компания. Танцы прервались, граф препроводил герцогиню к банкетке, какие-то их знакомые из числа присутствующих потянулись к ним напомнить о себе, и только после этого прерванная кадриль завершилась – довольно формально и скомканно. Затем объявили контрданс, к которому никто из компании лорд-лейтенанта не проявил интереса. Последовали какие-то переговоры с распорядителем, быстрый осмотр танцоров, команда музыкантам – и оркестр заиграл вальс. Дочери герцогини сорвались с места навстречу музыке, их готовы были поддержать некоторые молодые леди из местных, но увы! – обнаружилась досадная нехватка кавалеров,

знакомых с новомодным танцем. И тут один из распорядителей бала вспомнил об Уилкинсе-младшем, недавно вернувшемся с континента. Эдвард был прирожденный танцор и вальсировал просто волшеббно. Следующий тур он танцевал уже с дочерью герцогини, ибо ее высокородная мать, далекая от мелких козней и чванства провинциальных дворян, не видела ни малейшей причины лишать свою прелестную леди Софию элегантного партнера, независимо от его знатности, и потому попросила распорядителя поскорее представить ей молодого человека. С того вечера Эдвард стал любимцем юных дам на ассамблеях в Хэмли. Их матери отнеслись к нему благосклонно, однако твердолобые сквайры попрежнему косились на него, а их молодые наследники (те, что в Итоне уступали ему по всем статьям) за спиной называли его выскочкой.

Глава вторая

Ситуация складывалась неприятная. Мистер Уилкинс дал сыну такое образование и привил такие вкусы, которые требовали соответствующего общественного положения, но его-то как раз и недоставало. Что пользы, что радости Эдварду от общения с местным доктором или пивоваром? Викарий стар и глух, а его помощник, молодой недотепа, пугается собственного голоса... Если же говорить о матримониальных перспективах – хотя мысль о женитьбе занимала Эдварда не больше, чем его пожилого отца, – он с трудом мог представить какую-либо из имевшихся в Хэмли девиц на выданье в изысканной обстановке своего дома, который таил в себе столько очарования и ассоциаций для человека культуры, но был мало пригоден для невежественной, дурно воспитанной простушки. Притом Эдвард в полной мере сознавал (чего нельзя сказать о его отце), что любая из юных особ, привечавших его в качестве партнера по танцам, сочла бы себя скандализованной, сделай он ей предложение руки и сердца – он, презренный поверенный, сын и внук поверенного! Вероятно, в те годы молодой человек терпел унижения и обиды, что впоследствии не могло не отразиться на его характере. Да и тогда эти уколы не проходили даром. Его добрый нрав не позволял высказывать недовольство там, где другие не сдержались бы. Зато он испытывал тайное удовле-

творение от возможностей, которые открывали перед ним отцовские деньги. Не моргнув глазом он покупал себе понравившегося дорогого скакуна, в то время как вечно стесненный в средствах наследник гордого титула неделями осаждал продавца, пытаясь сбить цену. Собак, сколько бы они ни стоили, он приобретал только у лучших заводчиков Англии, и ружья у него были новейшего образца. Все вышперечисленное составляло предмет жгучей каждодневной зависти окрестных сквайров и их сынков. Им не было дела до художественных сокровищ, которыми, по слухам, год за годом пополнялся дом мистера Уилкинса. Но его лошадям и гончим они страшно завидовали, и Уилкинс-младший о том знал и втайне ликовал.

В конце концов Эдвард все-таки связал себя узами брака, который всех устроил, насколько брак вообще может всех устроить. Он страстно влюбился в мисс Ламотт и, когда она согласилась стать его женой, был на седьмом небе от счастья. Ну а его отец был счастлив, что счастлив сын. К тому же память услужливо напомнила ему, что матушка мисс Ламотт – младшая сестра сэра Фрэнка Холстера, которая, хотя и вышла замуж против воли семьи за человека невысокого звания, навсегда вписана в анналы баронетства как законная младшая дочь сэра Марка Холстера по имени Летиция, родившаяся в 1772 году, сочетавшаяся браком с А. Ламоттом в 1799-м и почившая в 1810 году. После ее смерти осталось двое детей, мальчик и девочка. Заботы о них взял на себя их

дядя, сэр Фрэнк, поскольку их отец поставил себя вне закона – уж лучше бы он умер! – и его имя запрещено было упоминать. Марк Ламотт пошел по военной части, а юная Летиция жила в дядюшкиной семье фактически на положении бедной родственницы. Ее полнейшая зависимость была обусловлена обстоятельствами, которых никто не подчеркивал, но и не скрывал, и эта зависимость ранила душу чувствительной девушки – она болезненно воспринимала любые знаки пренебрежения, особенно на фоне постоянных разговоров о бесчестии ее отца. Несмотря на то что финансовые дела сэра Фрэнка, о чем мистер Уилкинс знал не понаслышке, были сильно расстроены, благородный джентльмен со смешанными чувствами принял сватовство Эдварда, сулившее его бесприданной племяннице жизнь в достатке, чтобы не сказать в роскоши, и брак с красивым и более чем приличным молодым человеком. Дав согласие, он не преминул угостить мистера Уилкинса парой едких и обидных замечаний, это было вполне в его характере, злом и заносчивом. Но в действительности такой расклад его устраивал, хотя порой он ни с того ни с сего начинал задирать мужа своей племянницы, как бы невзначай прохаживаясь насчет его низкого происхождения и статуса, забывая, по-видимому, что муж его родной сестры, отец Летиции, рискнул он вернуться на родину во Францию, немедленно угодил бы за решетку.

Подобные выходки раздражали Эдварда и возмущали Летицию. Она искренне любила мужа и гордилась им, отлично

понимая, что он во всем на голову выше ее кузенов, молодых Холстеров, которые не гнушались пользоваться его лошадьми и пить его вино и в то же время насмеялись над его профессией, усвоив эту гадкую привычку от своего папеньки-баронета. Летиция мечтала о том, чтобы Эдвард ограничил себя домашней жизнью, перестал знаться с местными сквайрами и обрел бы тихую радость наедине с ней – в их роскошной библиотеке, в их великолепной гостиной с беломраморными статуями и живописными шедеврами. Но вероятно, напрасно ожидать этого от любого мужчины и тем более от того, кто ощущает в себе призвание блистать в свете и кто общителен по самой своей природе. В том графстве и в то время общительность подразумевала участие в общем веселье. Эдвард был равнодушен к вину, но какое веселье без возлияний! И мало-помалу он приучился пить и мог поздравить себя с тем, что стал истинным ценителем вина. Его отец, по счастью, до этого не дожил и умер со спокойным сердцем: его дело процветало, люди победнее любили его, богатые уважали, сын и невестка не скупилась на проявления нежной привязанности и заботы и совесть его была чиста перед Богом.

Жить ради мужа и детей – это все, чего хотела Летиция. Но Эдвард нуждался в обществе – и чем дальше, тем больше. Его жена не могла понять, как ему не надоест принимать приглашения от людей, для которых он был всего лишь

«атторней³ Уилкинс, славный малый»: именно так они рекомендовали его заезжим гостям, а те тоже не могли оценить ни его вкус, ни его разнообразные таланты, ни его импульсивную, артистическую натуру – ничего из того, что Летиция почитала его исключительными достоинствами. Однако она упускала из виду одно обстоятельство: принимая подобные приглашения, Эдвард время от времени знакомился с людьми не только высокого общественного ранга, но и незаурядного ума; и когда под влиянием выпитого он избавлялся наконец от чувства неполноценности, вызванного условностями среды, то являл себя блестящим собеседником, которому с восхищением внимали даже гости из Лондона – важные сановники, завсегдатаи светских салонов и привилегированных клубов или знаменитые писатели, проездом посетившие усадьбу местного сквайра. Понимай Летиция это обстоятельство, она из гордости за мужа сама благословила бы его на такое времяпрепровождение; но и тогда ей следовало бы предостеречь его от пагубного соблазна сорить деньгами. Постепенно он начал тратить больше дозволенного, и отнюдь не на интеллектуальные, а на чувственные удовольствия. Его вина и яства были не по карману и не по нёбу провинциальному сквайру – но не Эдварду. Его званые обеды – для избранных гостей, с удивительными, изысканными блюдами, приготовленными поваром-итальянцем, – могли привести в восторг любую лондонскую знаменитость. Он распорядился,

---

³ *Атторней* – адвокат, поверенный.

чтобы Летиция покупала себе на платья самые дорогие ткани и тончайшее кружево. Драгоценности не для нас, говорил он (с уничижением, которое паче гордости), поглядывая на бриллианты местных матрон и позолоченные украшения девиц. Однако тех сумм, что он спускал на женино кружево, с лихвой хватило бы на несколько золотых гарнитуров, пусть и не высшего качества. Летиция прекрасно вписывалась в светское окружение. И хотя, как утверждали злые языки, ее отец был всего-навсего французский авантюрист, она несомненно обладала природной грацией, деликатностью чувств и обворожительными манерами. Летиция была рождена для света и все же испытывала к нему глубокую неприязнь. И однажды она покинула его – покинула навсегда. С утра в тот день она не жаловалась на здоровье, и Эдвард спокойно отправился в свою контору в Хэмли. В полдень за ним примчались испуганные гонцы. Когда он, задыхаясь от волнения и отказываясь что-либо понимать, вбежал в дом, она уже не могла вымолвить ни слова. Прощальный взгляд ее дивных любящих черных глаз сказал ему, что она узнала его и что душа ее рванулась навстречу ему так же пылко, как рвалась все эти годы, через которые она пронесла неугасимое пламя своей любви. Он тоже не проронил ни слова, мгновенно лишившись дара речи, и упал перед ней на колени. Она умира-ла, она умерла, а он все стоял на коленях, словно окаменел. Отчаявшись вывести его из оцепенения, растерянные слуги подвели к нему его старшую дочь Элеонору. Никто не поду-

мал о чувствах девочки, до этой минуты сидевшей взаперти в своей детской и не ведавшей о том, что в доме случилась беда. Она еще не знала, что такое смерть, и застывший на коленях отец с неподвижными сухими глазами не вызвал у нее особого удивления или интереса. Намного больше ее поразило, что мама, распростертая на кровати без кровинки в лице, не повернула к ней головы и не улыбнулась своей любимой девочке.

– Мама! Мама! – звала она в безотчетном ужасе.

Но мама не шелохнулась, а отец уткнулся лицом в постель, чтобы не закричать от боли, которая, словно острый нож, пронзила ему сердце. Девочка вырвалась из рук прислуги и подбежала к кровати. Не обращая внимания на мертвенный холод и каменную неподвижность матери, она принялась целовать ее в губы, разглаживать ее блестящие, черные как вороново крыло волосы и захлеб бормотать ласковые слова, которые мать и дитя говорили друг другу наедине, когда никто их не слышал. Смотреть на это было невыносимо: казалось, ребенок, разрывавшийся между страхом и любовью, уже на грани помешательства. Эдвард встал с колен, осторожно взял дочку на руки и отнес ее – безмолвную, обмякшую, почти бездыханную (так опустошил ее непосильный для детского сердечка шквал чувств) – в свой кабинет, небольшую комнату, соединявшуюся через оранжерею с великолепной библиотекой, где в прежние счастливые – и невозвратные! – времена они с женой любили сживать ве-

черами за чашкой кофе, а после иногда шли прогуляться – через застекленную дверь в сад и дальше, по тропинке меж кустов, в поля и луга... Никогда, никогда больше не ступят там ее милые ноги! Как отец и дитя провели эти часы в своем уединении, никому не дано знать. Поздно вечером он распорядился принести в кабинет ужин Элеоноры. Слуга, доставивший поднос, увидел, что девочка лежит на руках у отца точно мертвая, но еще прежде чем за ним закрылась дверь, хозяин начал кормить шестилетнюю дочку с ложки, терпеливо и ласково, словно шестимесячную.

Глава третья

С того дня между отцом и дочерью установилась прочная и очень нежная связь. Но если любовь к отцу уживалась в душе Элеоноры с привязанностью к маленькой сестре, то он, вообще равнодушный к младенцам, лишь умозрительно осознавал свое отцовство по отношению к младшей дочке, тогда как старшая безраздельно завладела его сердцем. Если хозяин ужинал дома, Элеонору, несмотря на поздний час, сажали напротив, на то самое место, которое прежде занимала ее мать, хотя девочка не принимала участия в трапезе, поскольку к тому времени уже получила все, что ей полагалось, у себя в детской (где меню было намного скромнее и проще). Эта картина вызывала смех и слезы: маленькая девочка держалась с уморительной серьезностью и рассуждала как взрослая, изо всех сил стараясь соответствовать возложенной на нее важной миссии компаньонки отца; нередко, пролепетав начало какой-то сентенции, она впадала в сон и роняла голову на грудь. «Маленькая, да старенькая», – отзывались о ней няньки и предрекали, что такие долго не живут. Но их пророчество не сбылось, и все вышло совсем иначе. Крепенькая, жизнерадостная крошка, младшая сестра Элеоноры, оказалась подвержена падаучей болезни и сгорела за один день: вот только что ребенок был здоров и весел, как вдруг занемог да и умер! Горе Элеоноры было тихим, скрытным и

оттого особенно пугающим. Дождавшись ночи, когда никто, как ей казалось, не слышит ее, она навзрыд звала умершее дитя: «Сестрица моя маленькая, вернись ко мне, вернись!» – и так ночь за ночью. В доме все тряслись от страха за нее, и было отчего: как хрупкой, привязчивой девочке пережить две подряд страшные потери? Ее отец отложил все дела, забыл про все удовольствия, лишь бы вырвать свою любимицу из когтей кручины. Родная мать не смогла бы сделать для нее больше; самая добрая сиделка и вполчину не заботилась бы о ней так, как заботился мистер Уилкинс.

Если бы не он, Элеонора просто умерла бы от горя. Но благодаря отцу она оправилась, хотя и не скоро – слишком глубока была ее тоска: девочка надолго закрылась для новых привязанностей, словно в ней поселился суеверный страх, как бы своей любовью не накликают внезапную смерть и вновь не погрузиться в отчаяние. Вся ее нерастроченная любовь, постоянно наталкиваясь на плотину страха, скапливалась в одной крошечной запруде и в конце концов вышла из берегов и бурным потоком излилась на отца. Он был сполна вознагражден за свою самоотверженную заботу о дочери и с восторгом – возможно, эгоистичным – принимал бесчисленные очаровательные доказательства, которые она изобретала с единственной целью: убедить его – словно у него был повод сомневаться! – что в ее сердце он всегда был, есть и будет на первом месте. Каждый вечер (как доложила ему нянька), примерно за полчаса до его предполагаемого возвращения

домой – он мог явиться и позже, но никак не раньше, – мисс Элеонора аккуратно собирала в коробку «пожитки» своей куклы и укладывала игрушечную подругу в постельку, после чего садилась на стул и вся обращалась в слух в ожидании его шагов. Как-то раз нянька громко удивилась, что мисс Элеонора загодя узнала о приближении отца: сама нянька, как ни старалась, не расслышала ни звука. Для ее подопечной ничего удивительного в этом не было.

– Конечно не расслышала, это же не твой папá!

Утром, поцеловав Элеонору, отец уходил из дому, а девочка сразу бежала к окну, всегда к одному и тому же, откуда удобно было наблюдать, как он идет по тропе, то скрываясь за высокой живой изгородью, то вновь появляясь в просветах между деревьями. Дождавшись, когда он на мгновение возникнет под ветвями большого бука, прежде чем окончательно исчезнуть из виду, она с печальным вздохом отворачивалась от окна и тихо говорила сама себе в ответ на свои невысказанные страхи:

– Вечером он вернется!

Мистер Уилкинс тешил себя мыслью, что все радости ее детской жизни целиком зависят от него. Он немного ревновал к любому, кто по собственному почину, без его ведома и участия, приносил девочке лакомство или подарок.

Потом пришла пора учиться: простых житейских наставлений, которыми снабжала Элеонору добрая старая няня, стало недостаточно. Отец решительно не желал возлагать на

себя миссию учителя: он предвидел, что эта роль иногда потребует от него строгости, применения властного авторитета, из-за чего ребенок может невольно изменить свое отношение и станет боготворить его чутьочку меньше. Поэтому Уилкинс обратился к леди Холстер с просьбой выбрать одну из ее многочисленных протеев в качестве гувернантки для его дочери. Леди Холстер, которая держала что-то вроде любительской конторы, собиравшей сведения о всех жителях графства, была только рада оказать подобную услугу и попыталась уточнить, каким требованиям должна отвечать кандидатка. Но разъяснения мистера Уилкинса мало что прояснили:

– Вы сами знаете, какое образование пристало юной леди, и, несомненно, сумеете без моей подсказки выбрать гувернантку для Элеоноры. Единственное, о чем я прошу, – чтобы эта особа не вознамерилась женить меня на себе, не запрещала Элеоноре готовить мне чай и вообще не мешала дочке поступать, как ей заблагорассудится: она у меня умница, и нет никакого смысла пытаться сделать ее лучше. Пусть научит ее тому, что полагается знать юной леди, и этого будет довольно.

Выбор пал на мисс Монро – некрасивую, умную, тихую женщину сорока лет от роду. Трудно сказать, кто из них двоих – мисс Монро или мистер Уилкинс – прилагал больше усилий, чтобы не столкнуться нос к носу подле Элеоноры. Они сменяли друг друга, как фигурки Адама и Евы в баро-

скопе⁴: один исчез – другой возник. За свою жизнь мисс Монро не раз попадала в трудные обстоятельства, когда у нее не было ни минуты покоя и от усталости она падала с ног, поэтому возможность свободно распоряжаться своими вечерами, заниматься с ученицей в специально отведенной для уроков комнате, без помех наслаждаться чашечкой чая, книгой или перепиской с друзьями для нее дорогого стоила. По обоюдному согласию гувернантка не вмешивалась в вечернее времяпрепровождение Элеоноры, даже когда ее отца не было дома, а с каждым годом это случалось все чаще – жизнь брала свое, и черная туча, накрывшая его семью после внезапной смерти жены, мало-помалу рассеялась. Как уже говорилось, мистер Уилкинс всегда пользовался успехом в обществе. В маленьком провинциальном графстве человек такого ума и воспитания был редкой птицей. Просто теперь, чтобы войти во вкус застольной беседы и по-настоящему блеснуть эрудицией и красноречием, ему требовалось больше вина, чем прежде. Так что ж, вина за столом никто не жалел, этого добра у сквайров хватало. Время от времени дела звали мистера Уилкинса в Лондон. Из поездки в столицу, сколь бы поспешной она ни была, он никогда не возвращался без новой игры или куклы – чтобы его маленькой хозяйюшке, как он выражался, веселее жилось дома.

Наведываясь в Лондон, он не упускал случая поинтере-

---

⁴ *Бароскоп* – метеорологический прибор: штормглас, погодник. В описанном бароскопе одна фигурка указывала на «ясно», другая – на «дождь».

соваться, что нового происходит в искусстве и литературе, и делал большие заказы. Как правило, вслед за ним в Хэмли прибывала одна или две почтовые посылки, которые отец и дочь вместе распаковывали. В замкнутой, хотя и вполне счастливой жизни Элеоноры эти приятные моменты приобрели значение эпохальных событий.

Единственный человек, с которым мистер Уилкинс общался в Хэмли на равных, был их новый священник, холостяк, примерно одних с ним лет, ученый малый, выпускник Кембриджа. Внимание мистера Уилкинса сразу привлек тот факт, что за несколько лет до приезда в Хэмли мистер Несс в качестве стипендиата своего университета совершил путешествие по континентальной Европе – практически в те же годы, когда по Европе путешествовал и сам мистер Уилкинс. И хотя за границей они не встречались, у них обнаружилось много общих знакомых и общих воспоминаний о той поре, которую, оглядываясь назад, отец Элеоноры считал едва ли не самой радужной и увлекательной в своей жизни.

Мистер Несс иногда брал учеников – не то чтобы он к этому стремился, но и не отказывался, если его очень просили подготовить юношу к экзаменам. Молодой человек поселялся в доме священника и брал у него уроки. «Птенцы Несса» показывали высокие результаты, ибо их наставник, хоть и не искал себе дополнительной работы, но уж коли она подвернулась, считал ниже своего достоинства делать ее кое-как.

Когда Элеоноре было лет четырнадцать, в ученики к ми-

стеру Нессу поступил юный мистер Корбет. Надо заметить, что ее отец любил знакомиться с учениками своего приятеля-священника и принимать их у себя. С годами его гостеприимство утратило налет изысканной элегантности, но угощал он от души и стол ломился от яств. Помимо всего прочего, ему больше нравилась компания веселой, беззаботной молодежи, чем общество стариков, – разумеется, при условии, что и те и другие люди воспитанные и образованные.

Мистер Корбет происходил из очень хорошей семьи, проживавшей в одном из отдаленных графств. Если его натуре недоставало серьезности и основательности, то это объяснялось лишь его возрастом: когда он попал под крыло мистера Несса, ему едва исполнилось восемнадцать. Однако не всякий двадцатипятилетний задумывался о своих видах на жизнь так глубоко, как совсем еще юный мистер Корбет. Для себя он все уже решил и спланировал: четко наметил цели, которых желал бы достичь в будущем, представлявшемся большинству его ровесников туманным и бесформенным, и определил наиболее верные пути достижения этих целей. Статус младшего сына, а также семейные связи и семейные интересы предопределили его выбор в пользу карьеры юриста, что полностью отвечало его собственным предпочтениям и талантам. К слову сказать, все, о чем мечтал его отец, – это чтобы сын сумел обеспечить себе пусть скромный, но достойный джентльмена доход. Мечты Корбета-отца вряд ли можно назвать амбициозными; его отцовские амбиции, если

они и были, связывались исключительно со старшим из сыновей. Но Ральф намеревался стать выдающимся юристом, и не потому, что фантазия услужливо рисовала ему заветный мешок с шерстью⁵ – этот образ, я полагаю, маячит в воображении всякого начинающего правоведа, – а потому, что его влекла грандиозная игра ума и, как следствие, власть над себе подобными, каковую выдающийся юрист всегда может получить, если захочет. Место в парламенте, у кормила государства, с одной стороны, и необъятный простор для сильного и деятельного ума – с другой, иначе говоря, заоблачные вершины юридической карьеры – вот к чему стремился Ральф Корбет. Окончить университет с отличием означало сделать первый шаг к совершенству, и для решения этой задачи Ральф не уговорил, нет, – уговоры и просьбы он презирал как малоэффективное средство, – но с помощью неопровержимых доводов убедил отца расстаться с крупной суммой, которую мистер Несс взимал за каждого ученика. Добродушный старый сквайр был весьма стеснен в средствах, однако согласился бы на что угодно, только бы не ввязываться в утомительный спор и не лишать себя удовольствия соснуть после обеда. Не тут-то было! Подобное согласие не могло удовлетворить Ральфа: отец должен признать желательность его плана, а не просто уступить по слабости характе-

---

⁵ Намек на должность лорд-канцлера: являясь не только главой судебной власти, но и председателем палаты лордов, лорд-канцлер по давней традиции сидит в палате на мешке, набитом шерстью, который символизирует национальное достояние Великобритании.

ра. Сквайр выслушал сына, глубокомысленно покивал головой и тяжело вздохнул. Потом заговорил о расточительных замашках Реджинальда и о тратах дочерей. Веки у него смежались. «Верно, все верно, – устало произнес он. – Твои резоны мне понятны». Он украдкой взглянул на дверь, гадая, когда уже сын уgomонится и выйдет в гостиную. В конце концов пришлось пойти к столу и написать мистеру Нессу необходимое письмо с заверениями, что он согласен на все условия – на всё, на всё согласен! Так мистер Несс получил лучшего своего ученика – единственного, с кем он мог обращаться как с равным себе по уму.

Мистер Корбет (в Хэмли все звали Ральфа только так) твердо решил не терять времени даром и делал даже больше, чем требовал учитель. Во внеурочные часы он продолжал жадно впитывать любые полезные сведения, которыми мистер Несс охотно делился с ним. Но величайшим удовольствием для наставника были напряженные, острые дискуссии по всевозможным метафизическим и этическим вопросам, и мистер Корбет с упоением их поддерживал. Они жили душа в душу, связанные равноправным товариществом. Впрочем, несмотря на схожесть взглядов, они разительно отличались друг от друга. Мистер Несс был чужд мирской суеты, если допустить, что идея отрешенности от мира совместима с известной долей сибаритства и лени; тогда как мистер Корбет, с его сугубо, исключительно мирскими амбициями, ради достижения заветной цели мог не раздумыв-

вая отказаться от всех легкомысленных удовольствий, вполне естественных для его возраста. В часы вечернего досуга учитель и ученик регулярно встречались с мистером Уилкинсом. Обычно в конце напряженных шестичасовых занятий мистер Несс отправлялся в адвокатскую контору (мистер Корбет по-прежнему сидел, склонившись над книгами) справиться, свободен ли вечером мистер Уилкинс. Если у того не было никаких договоренностей, он получал приглашение на ужин в дом священника или же в присущей ему легкой, радушной манере сам приглашал учителя с учеником к себе на ужин. В этом случае Элеонора составляла им компанию, то есть сидела с ними за столом, но к еде не притрагивалась, поскольку ужинала всегда намного раньше, вместе с мисс Монро. В свои четырнадцать Элеонора на вид была все та же миниатюрная, тоненькая девочка, и ее отец словно не замечал, что дочь уже вышла из детства: с виду ребенок, а по уму, силе характера и способности беззаветно любить – вполне взрослая женщина. Притом что Элеонора сохранила детское простодушие, она выгодно отличалась от многих незрелых девиц, переменчивых, как небо в апреле, и не желающих задумываться о своих поступках. Итак, молодые люди сидели за столом вместе со старшими и радовались, что допущены в их компанию. Мистер Корбет участвовал в беседе наравне с двумя другими джентльменами, попеременно затевая спор с каждым из них, словно пытался таким образом выяснить для себя, получится ли у него восстать против

общепринятого мнения. Элеонора хранила молчание; время от времени в ее темных глазах вспыхивал жгучий интерес – или жгучее негодование из-за очередной эскапады мистера Корбета, готового очертя голову атаковать кого угодно, державшего бросать вызов ее отцу! Он видел, что внутри у нее все клокочет, и оттого еще упорнее продолжал действовать в том же духе: его это забавляло, только и всего. Так он думал.

Было еще одно обстоятельство, благодаря которому Элеонора и мистер Корбет периодически встречались. Дело в том, что мистер Несс и мистер Уилкинс выписывали одну на двоих газету «Таймс», и Элеонора обязалась регулярно забирать прочитанный свежий номер у отца и доставлять его священнику. Ее отец не спешил расстаться с газетой. И прежде, до появления мистера Корбета, это никого не беспокоило: мистер Несс тоже никуда не спешил. Но его ученик очень живо интересовался всеми текущими событиями и особенно откликами на них, поэтому любая задержка раздражала его. Сгорая от нетерпения, он сам пускался в путь и нередко на полдороге к дому мистера Уилкинса встречал запыхавшуюся, полную раскаяния Элеонору. «Ах, мистер Корбет, простите! Папá только сейчас отдал мне ее», – говорила она, протягивая газету. Поначалу он принимал ее извинения не слишком любезно. Спустя некоторое время снизошел до того, чтобы обронить: «Не имеет значения». А потом повадился провожать ее до дому – всякий раз требовалось дать ей совет по важной проблеме, связанной с ее садом в целом или

с каким-то растением в частности, недаром его мать и сестры были первостатейными садоводами, да и сам он отрекомендовался «знатным врачевателем хворых растений».

За все время их знакомства звук его голоса или его приближающихся шагов ни разу не вызвал и тени румянца на ее щеках, не заставил ее сердце биться хоть чуточку сильнее, ничего сравнимого с ее нервической реакцией на малейший признак отцовского недовольства ею. Постепенно она совсем освоилась с мистером Корбетом, привыкла к его советам, к его мимолетным проявлениям участия, к его подчеркнуто снисходительному вниманию. Чем еще одарил ее мистер Корбет? Еще он больше, чем все остальные вместе взятые, побуждал ее искать в себе недостатки. Как ни странно, Элеонора была благодарна ему за это: не испорченная самомнением девушка искренне хотела стать лучше. С ее молчаливого согласия молодой человек получил право влиять на нее и, разумеется, воспользовался им, упиваясь собственным превосходством. До поры до времени они были добрыми друзьями, и только.

Пока что я рассказывала о мистере Уилкинсе в разрезе его отношений с дочерью. Но его история далеко этим не исчерпывается. После смерти жены он на год или два отдалился от общества, притом намного более решительно и бескомпромиссно, чем другие молодые вдовцы. Тогда-то, в пору своего добровольного затворничества, он на всю оставшуюся жизнь завладел сердцем дочери.

Когда же он вновь начал выходить в свет, внимательный наблюдатель, если бы таковой сыскался, несомненно отметил бы, какое благотворное влияние оказывали на него в прежние времена покойный отец и покойная жена, при всем несходстве их характеров; как само их присутствие держало его в узде. Не то чтобы он пустился во все тяжкие, однако явно предпочитал удовольствие делу, от чего и мистер Уилкинс, и Летиция постарались бы его предостеречь, мягко указав на необходимость больше времени проводить в конторе. Если раньше он лишь от случая к случаю потакал своей страсти к охоте и прочим забавам на свежем воздухе, то теперь это вошло у него в привычку – с поправкой на время года и погодные условия. Однажды он на пару с одним из Холстеров арендовал охотничий домик с удобствами в Шотландии, убедив себя, что бодрящий северный воздух полезен для Элеоноры. Но на следующий год он арендовал другое место, на сей раз с малознакомым компаньоном, несмотря на то что тамошний дом был непригоден для девочки с ее няньками и прислугой. Мистер Уилкинс быстро нашел себе оправдание: длительные отлучки можно компенсировать короткими, но частыми наездами в Хэмли. Но часто ездить туда-сюда слишком накладно, и в итоге он раз за разом оказывался недосыгаем, когда важные дела требовали его немедленного участия. Вскоре прошел слух, что в Хэмли объявился новый поверенный, которому покровительствуют две влиятельные семьи, привыкшие некогда во всем по-

лагаться на Уилкинса-отца и разочарованные легкомыслием Уилкинса-сына. Сэр Фрэнк Холстер забил тревогу: послал за родственником, рассказал ему, что происходит, и, не особенно стесняясь в выражениях, осудил его безрассудный образ жизни. Относительно безрассудства он был прав, конечно, и втайне мистер Уилкинс готов был согласиться с ним. Но когда сэр Фрэнк, все больше распаляясь, заявил, будто бы Эдварду не по чину разъезжать по охотам, перенимать замашки и забавы аристократов – всяк сверчок знай свой шесток! – тот не выдержал и вспылил. Кто-кто, а он-то знал, что сэр Фрэнк по уши в долгах, тогда как его собственный отец оставил ему в наследство круглую сумму, и без обиняков высказался на сей счет. Сэр Фрэнк ему этого не простил. На том прервалась всякая связь между поместьем Холстер-Корт и усадьбой Форд-Бэнк, как мистер Эдвард Уилкинс окрестил отчий дом после своего заграничного вояжа.

Это объяснение на повышенных тонах, помимо одного прямого следствия – ссоры, имело еще два других. Во-первых, мистер Уилкинс дал объявление о том, что ему требуется надежный помощник для ведения дел под его непосредственным началом; во-вторых, обратился в Геральдическую коллегия с вопросом, не принадлежит ли он к роду Уилкинсов из Южного Уэльса – к тем самым Уилкинсам, которым в недавнее время было возвращено их древнее имя де Уинтон.

Оба запроса не остались без ответа. Одна из ведущих лондонских юридических фирм рекомендовала ему восполь-

зоваться услугами очень знающего, опытного, немолодогостряпчего, и тот немедленно получил приглашение прибыть в Хэмли и приступить к работе на своих условиях, каковые выразились в весьма значительной сумме жалованья. Впрочем, мистер Уилкинс, по его словам, готов был платить любые деньги, лишь бы снять с себя груз ответственности, который вечно давит на поверенного, – уж такая профессия! На это злые языки ехидно замечали, что прежде чувство ответственности его не слишком обременяло: достаточно вспомнить его шотландские каникулы, а в перерывах – разнообразные светские развлечения. Во времена его отца (добавляли они) все было иначе!

В Геральдической коллегии не исключали возможности установить его родство с упомянутыми Уилкинсами из Южного Уэльса, но предупредили, что наведение справок и документальное обоснование – дело небыстрое и затратное. Бесспорно, в стране есть множество мест, где никто не стал бы оспаривать право человека, претендующего на принадлежность к тому или иному роду, даже если этот человек предполагает воспользоваться соответствующим фамильным гербом. Однако в графстве N. ситуация прямо противоположная. По части генеалогии и геральдики там все проявляют большую бдительность и любое посягательство на имя или родословную воспринимают как смертный грех, едва ли не злейший, нежели преступление против Десяти заповедей. Кое-кто может даже усомниться в решении колле-

гии и попытаться опротестовать его в суде. Пусть так, рассудил мистер Уилкинс: если коллегия вынесет решение в его пользу, с него этого будет довольно. В своем ответном письме он написал, что понимает необходимость значительных трат на проведение разысканий и тем не менее просит коллегия незамедлительно приступить к ним.

Еще до конца года он отправился в Лондон и заказал у каретника модный брогам (чтобы Элеонора могла выезжать в дождливую погоду, как он объяснил; но, поскольку в закрытом экипаже ей всегда делалось дурно, мистер Уилкинс больше сам ездил в нем по приемам) с гербом Уилкинсов – де Уинтон на боковых панелях и конской упряжи. Раньше он во всех случаях прекрасно обходился дог-картом, сменившим старенькую отцовскую двуколку.

Глядя на его нелепые потуги, местные сквайры, его клиенты, только смеялись над ним и определенно не стали относиться к нему с бóльшим уважением.

Мистер Данстер, тот самый нанятый им помощник, вел себя скромно и вид имел вполне респектабельный. Никто не назвал бы его джентльменом, но и не упрекнул бы в вульгарности. На его маловыразительном лице словно застыло одно постоянное выражение – напряженной сосредоточенности на предмете его дум, каков бы ни был сей предмет; выражение, которое одинаково пристало как юристу, так и доктору: чрезвычайно удачное выражение лица для представителей обеих этих профессий. Иногда его глубоко посажен-

ные глаза внезапно озарялись вспышкой мысли, но тотчас же и гасли, словно повинуюсь внутреннему запрету, и на лицо вновь возвращалось привычное бесстрастно-задумчивое выражение. Приступив к своим новым обязанностям, он безропотно принялся наводить порядок в бумагах, а после и в делах, стоявших за этими бумагами, – методичный порядок, какого не было в конторе со смерти мистера Уилкинса-старшего. Пунктуальный до доли секунды, мистер Данстер в первое же свое рабочее утро с недовольным удивлением встретил младших клерков, гурьбой ввалившихся в контору на полчаса позже установленного времени, и надо сказать, его взгляд оказался много действеннее слов иных начальников. С того дня подчиненные являлись на пять минут раньше положенного часа, однако Данстер всегда был на месте прежде них. Мистер Уилкинс и сам невольно поеживался от педантичности и пунктуальности своего помощника. Приподнятая бровь и неприметное подергивание губ мистера Данстера, докладывавшего ему о прискорбном беспорядке в делах, задевали его сильнее, чем любое открытое порицание: второе он преспокойно отмел бы, на лету придумав какое-нибудь объяснение. Так в душе мистера Уилкинса поселилась тайная, с оттенком почтительного страха неприязнь к мистеру Данстеру. Он, безусловно, уважал его, высоко ценил – и на дух не выносил. В последние годы мистер Уилкинс все чаще шел на поводу у своих чувств и все реже прислушивался к доводам рассудка. И теперь он не столько подавлял,

сколько растравлял в себе необъяснимое отвращение к размеренной интонации скрипучего голоса мистера Данстера, к его провинциальной, резавшей слух манере гнусавить. Особенно невзлюбил мистер Уилкинс бутылочно-зеленый сюртук стряпчего, который тот привез с собой в Хэмли, и с каким-то детским злорадством наблюдал, как ненавистная деталь гардероба постепенно ветшает. Со временем обнаружилось, что мистер Данстер питает странное – извращенное с точки зрения хорошего вкуса – пристрастие к этому отвратительному цвету: все свое верхнее платье, как для выхода, так и для службы, он шил из ткани точно такого оттенка зеленого. Сие открытие отнюдь не умерило глухого раздражения мистера Уилкинса. Но хуже всего было сознавать, что мистер Данстер – и впрямь бесценное приобретение, «чистое сокровище», как отзывался о нем тот же мистер Уилкинс в мужской компании после обеда. И по мере того как он все больше убеждался в незаменимости Данстера – без которого сам был теперь как без рук, – его инстинктивная неприязнь переросла в ненависть к этому «сокровищу».

Клиенты мистера Уилкинса подхватили его слова: со всех сторон только и слышалось, что мистер Данстер – бесценная находка для конторы, подлинное сокровище, что без него все пропало бы. Никто с таким упорством не пекся об их интересах, даже мистер Уилкинс-старший. Какая ясная голова, какое знание закона, какой усердный, честный малый – и всегда на посту, как часовой! Ни его скрипучего голоса,

ни тягучего выговора, ни бутыльно-зеленого сюртука никто не замечал; а если и замечал, то относился к этому намного более благодушнее, чем к мотовству Уилкинса, к его баснословно дорогим винам и лошадям, к его безумной затее доказать родство с пресловутыми Уилкинсами из Уэльса, к его новомодному брогаму, решительно непригодному для проселочных дорог и грубых булыжных мостовых – в такой повозке и убиться недолго!

Все эти пересуды не достигали ушей Элеоноры и не омрачали ее жизни. Горячо любимый отец по-прежнему стоял для нее выше всех: милый, добрый, порядочный, обворожительный в разговоре, безупречно воспитанный, осведомленный обо всем на свете – словом, само совершенство! Элеонора обладала счастливым и здоровым свойством видеть в каждом его лучшую сторону. Она искренне любила мисс Монро и всех домашних слуг, особенно Диксона, старшего кучера. В детстве он и ее отец вместе играли, и естественная свобода в их общении, зародившись в ту далекую пору, впоследствии до конца не исчезла, несмотря на то что Диксон глубоко чтит хозяина и восхищался им. Славный человек и преданный слуга, Диксон был настолько же по сердцу мистери Уилкинсу, насколько Данстер был ему противен. Пользуясь привилегией фаворита, Диксон мог позволить себе такие высказывания, какие в устах другого слуги звучали бы дерзостью.

Только ему Элеонора поверяла свои девичьи планы и по-

мысли – все то, о чем не смела говорить с мистером Корбетом, который после отца и Диксона был ее лучшим другом. Мистер Корбет не одобрял доверительных отношений Элеоноры и Диксона. Раз или два он исподволь дал ей понять, что, по его мнению, фамильярность со слугами ни к чему хорошему не ведет: не стоит вести доверительные беседы с тем, кто принадлежит к совершенно иному классу, как Диксон. Но она не привыкла к намекам – прежде все говорили с ней прямо, и в конце концов мистеру Корбету пришлось высказаться без околичностей. Тогда-то он впервые узнал, что Элеонора может рассердиться. Однако она была слишком юна и неопытна, не научилась еще подбирать для своих чувств нужные слова, поэтому ее речь представляла собой череду оборванных фраз и восклицаний: «Как вам не стыдно! Славный, милый Диксон! Да он ничуть не хуже любого благородного джентльмена! Честный, преданный, добрый... Я намного больше люблю его, чем вас, мистер Корбет, и я буду, буду вести с ним беседы!» Она разрыдалась и выбежала вон, даже не простившись с ним, хотя знала, что не скоро увидит его: наутро он уезжал – сперва в отцовский дом, а оттуда в Кембридж.

Молодой человек не ожидал, что его добрый совет может привести к столь непредвиденному результату, – совет, который он почитал своим долгом дать выросшей без матери девушке, ибо кто наставит ее, кто привьет ей приличия? Его-то сестры сызмальства впитывали благопристойность из всей

атмосферы своего дома и воспитания! Он покидал Хэмли расстроенный и недовольный. Когда наутро после размолвки Элеонора обнаружила, что он таки уехал – уехал, не заглянув в Форд-Бэнк проверить, не раскаялась ли она за свою вспышку, уехал, не сказав и не услышав ни слова на прощание, – она заперлась в своей комнате и залилась слезами. Никогда еще ей не было так горько – она и кляла себя, и оплакивала свою утрату. По счастью, в тот день ее отец проводил вечер в гостях, иначе он непременно стал бы допытываться, какая беда приключилась с его ненаглядной девочкой, и ей пришлось бы объяснять ему то, чего нельзя объяснить. В его отсутствие все было проще. Когда в классную подали чай, Элеонора села спиной к свету, и как только мисс Монро занялась изучением испанского языка, выскользнула в сад, чтобы вновь оплакать свою несдержанность и отъезд мистера Корбета. Но августовский вечер был так тих и ласков, что ее бурное горе казалось неуместным, словно сама природа велела ей, как и всем прочим юным созданиям, уняться и остыть, ибо настал час покоя и небеса притушили свет.

Позади дома был разбит цветник, окруженный большим, ничем не засаженным участком, который никогда не зарастал ни кустарником, ни мелколесьем, но представлял собой широко раскинувшийся ковер зеленой луговой травы с единственной купой могучих старых деревьев. Их узловатые корни выступали из земли, а по осени скрывались под слоем опавших листьев, таким толстым, что весной земля под де-

ревьями напоминала неряшливую кучу перегноя, которую забыли разровнять. Это впечатление скрадывалось множеством подснежников – нигде они не цвели так обильно, как здесь с приходом весны.

Элеонора облюбовала корни старых деревьев для своих детских игр: в одной ложбинке между корнями разместилась кукольная кухня, в другой – гостиная и так далее. Мистер Корбет не оценил ее изобретательности, окинув кукольный интерьер весьма презрительным взглядом. А вот Диксон с удовольствием участвовал в ее игре и без конца что-то придумывал, словно ему было не сорок лет от роду, а самое большее шесть. В тот вечер Элеонора по привычке наведальась в любимый уголок и увидела, что в гостиной ее «мисс Долли» появилась новая коллекция предметов из еловых шишек, чудесно вписавшихся в обстановку. Она сразу поняла, чьих это рук дело, и кинулась на поиски Диксона, чтобы поблагодарить его.

– Чем опечалена моя красавица? – спросил Диксон, едва завершился приятный ритуал горячих изъявлений благодарности с обеих сторон и он внимательно взглянул на ее заплаканное личико.

– Ах, не знаю, право, пустяки! – покраснев, сказала она.

Диксон промолчал и пару минут терпеливо слушал ее быстрый сбивчивый щебет, которым она пыталась отвлечь его внимание, но после вернулся к своему вопросу:

– Может быть, я сумею помочь беде?

– Ах нет, это пустое... право, пустое! Просто мистер Корбет уехал, не простившись со мной, только и всего.

Казалось, она сейчас снова расплачется.

– Некрасиво с его стороны, – твердо заявил Диксон.

– Но я сама виновата! – возразила Элеонора, всем своим тоном призывая не судить молодого человека слишком строго.

Диксон пристально посмотрел на нее из-под косматых бровей, и она продолжила:

– Он прочел мне нотацию, дескать, я веду себя не так, как его сестры... Можно подумать, я обязана во всем кому-то подражать!.. Я обозлилась и убежала.

– Выходит, барышня сама не простилась с ним. Это нехорошо, барышня, некрасиво.

– Ах, Диксон, я не люблю наставлений!

– Не очень-то вас донимают наставлениями. По чести сказать, мистер Корбет, пожалуй, прав. Ведь что получается: хозяин весь в делах, мисс Монро чересчур учена, ей не до того, а ваша бедная матушка давно в раю. Кто ж научит вас, как полагается вести себя юной леди? У мистера Корбета в жилах течет благородная кровь, этого у него не отнять. Говорят, его отец разводит лучших в Шропшире племенных лошадей – кучу денег вложил в свою конюшню! Надо думать, его сестры сызмальства учились манерам. И моей красавице тоже, наверно, не грех было бы послушать, как правильно себя вести.

– Милый мой Диксон, ты не знаешь, за что он мне выговаривал, и я тебе этого не скажу. Даже если мистер Корбет в чем-то прав, по большому счету он глубоко не прав!

– Ну-ну, не надо расстраиваться, барышня, будьте умницей... Вот и ладно. Не то хозяин, чего доброго, заметит, огорчится, а у него и так забот хоть отбавляй, без ваших заплаканных глазок, храни их Господь!

– Забот? Каких забот, Диксон? О чем ты говоришь? – заволновалась Элеонора, и ее полудетское личико мгновенно преобразилось: теперь это было лицо встревоженной женщины, все мысли и чувства которой устремлены на предмет ее забот.

– Так, ни о чем, я ничего не знаю, – уклончиво ответил Диксон. – Только не нравится мне этот Данстер, и, думаю, хозяину он тоже надоел своей мышинной возней.

– Негодный мистер Данстер! – возмутилась Элеонора. – Еще раз явится сюда ужинать – слова ему не скажу!

– Барышня должна делать все, чтобы угодить отцу, – назидательно произнес Диксон, и на том друзья разошлись.

Глава четвертая

На следующее лето мистер Корбет снова приехал к мистери Нессу. По его собственному мнению, он ничуть не изменился с прошлого года, и действительно, рано повзрослев, как наружно, так и внутренне, он почти не менялся, несмотря на значительный интеллектуальный рост. Тем удивительнее для него было наблюдать разительную перемену в Элеоноре Уилкинс. Она сильно вытянулась, превратившись из щупленькой девочки в высокую, стройную девушку с задатками настоящей красавицы, хотя всего год назад ее лицо ничего подобного не обещало, если не считать ее прекрасных глаз. Теперь вдруг стало очевидно, какая у нее изумительно чистая, немного смуглая кожа – еще недавно из-за отсутствия румянца он назвал бы этот оттенок «болезненным»; как нежна линия гладкой, словно отполированный мрамор, щеки; какие ровные, белые зубы; какие прелестные ямочки играют на щеках, когда ее лицо освещается редкой улыбкой...

Своего друга-моралиста Элеонора встретила робко и настороженно, слишком хорошо помня, как они расстались: она не думала, что он мог простить, а тем более забыть ее вспышку. По правде говоря, через несколько часов после их размолвки он выбросил из головы эту досадную историю и больше о ней не вспоминал. Бедняжка Элеонора, желая до-

казать свое раскаяние, изо всех сил сдерживала ребяческие порывы, дабы уверить молодого человека в том, что отныне готова во всем следовать его наставлениям – с одной-единственной оговоркой: она никогда не предаст своего верного друга Диксона в угоду мистеру Корбету или кому бы то ни было еще. Вследствие новой линии поведения она неожиданно явила себя элегантною, полной достоинства юной леди, а не порывистой провинциальной девочкой, какой он запомнил ее. И все же, присмотревшись к этой новой Элеоноре, он понял, что под завесой благонравия и даже некоторой чопорности таится ее былой вольный дух, которого ему теперь так не хватало. Он то и дело напоминал ей о прежних днях, о ее веселых детских забавах – все для того, чтобы вернуть ее сдержанным манерам и речам аромат живой непосредственности.

Он преуспел. Никто из окружающих – ни мистер Уилкинс, ни мисс Монро, ни мистер Несс – не догадывался, что происходит с юной парой, да они и сами о том не ведали. Но еще до конца лета они без памяти влюбились друг в друга, хотя правильнее было бы сказать, что Элеонора без памяти влюбилась в него, а он полюбил ее так, как только был способен любить: разум всегда брал у него верх над страстями и привязанностями.

Что касается слепоты окружающих, то все объясняется просто. Для мистера Уилкинса дочь по-прежнему оставалась ребенком, его ненаглядной девочкой, его любимицей – и не

более. Мисс Монро с головой ушла в самосовершенствование. Мистер Несс был поглощен работой над новым изданием сочинений Горация с собственными комментариями. Полагаю, у Диксона глаз оказался бы намного прозорливее, однако по очевидным причинам Элеонора держала мистера Корбета на порядочном расстоянии от Диксона: она дорожила дружбой с обоими, но хорошо знала, что мистер Корбет не жалуется Диксона, и подозревала, что это чувство взаимно.

Влюбленность молодых людей была единственным существенным отличием нынешнего года от предыдущего. В остальном все текло как обычно. День Элеоноры складывался примерно следующим образом: встав спозаранку, она до завтрака работала в саду, после чего готовила отцу и мисс Монро утренний чай, который подавала в столовой; возле отцовской тарелки всегда лежал свежий букетик цветов. После завтрака, если разговор принимал характер тривиального обмена репликами на общие темы, мистер Уилкинс удалялся в свой кабинет. Дверь в него располагалась в коридорчике между столовой и кухней, по левую руку от холла. С другой стороны холла, симметрично столовой, находилась гостиная; застекленная дверь в боковой стене соединяла ее с оранжереей, откуда можно было пройти и в библиотеку. Старый мистер Уилкинс пристроил к библиотеке полукруглый выступ с куполом для демонстрации скульптур, приобретенных сыном в Италии. Библиотека была, несомненно, главной достопримечательностью и украшением дома, а потому го-

стиной пользовались редко и в ней, как во всяком нежилом помещении, воцарился холодный дух запустения. Кабинет мистера Уилкинса тоже не был предусмотрен изначальным планом дома и выступал из наружной стены – его пристроили всего за несколько лет до описываемых событий. С холлом его соединял небольшой, вымощенный камнем коридор, узкий и темный, с одной-единственной дверью – в кабинет хозяина.

По форме кабинет представлял собой шестиугольник: одна грань – окно, другая – камин; в остальных четырех были двери: две из них (в коридор и оранжерею) мы уже упомянули, еще одна выходила на узкую винтовую лестницу, которая заканчивалась в спальне мистера Уилкинса, расположенной прямо над столовой, а последняя, четвертая, открывалась в сад – от нее через заросли кустов тянулась тропинка, огибавшая цветник справа (если смотреть от дома). Дальше тропа пересекала конный двор и кратчайшим путем вела вас в Хэмли, почти что к конторе мистера Уилкинса. Только так он всегда и ходил из дома в контору и обратно. Кабинет преимущественно служил ему курительной, хотя он постоянно говорил, что это идеальное место для конфиденциальных переговоров с особо мнительными клиентами, не желающими обсуждать свои дела в конторе, где любое слово может стать достоянием клерков. Этой наружной дверью мистер Уилкинс пользовался, когда хотел сходить на конюшню и лишний раз убедиться, что его любимым – и очень дорогим

– лошадям обеспечен надлежащий уход. В утренней инспекции его, как правило, сопровождала Элеонора. Сперва она подавала отцу пальто, проверяла, не нужно ли починить его перчатки, – словом, окружала его веселой и милой заботой; потом, уцепившись за него, шла с ним на конюшню и, пока он разговаривал с Диксоном, приближалась к какой-нибудь пугливой лошадке и, ласково приговаривая, начинала успокаивать ее, поглаживать, трепать по шее и кормить с руки хлебом. Дождавшись, когда отец освободится, – а ждать приходилось порой очень долго, – Элеонора возвращалась домой, в классную комнату, к мисс Монро и урокам. Она честно старалась усвоить науку, но для систематических занятий ей вечно не хватало времени. Если бы отец интересовался ее успехами в какой-либо области знаний, она непременно проявила бы большое усердие и многого добилась бы, благо умом и способностями природа ее не обделила. Но мистер Уилкинс, превыше всего ценивший праздность и удовольствия, вовсе не желал превращаться в педагога – в коего непременно превратился бы в своих собственных глазах, задайся он целью дать Элеоноре настоящее образование и возложи на себя обязанность регулярно следить за ее успехами. С него было более чем достаточно того, что общее умственное развитие вкупе с любовью к чтению, пусть бессистемному и неразборчивому, делали дочь приятной и всегда желанной компанией в часы его досуга.

В полдень Элеонора с радостным нетерпением откладыва-

ла учебники и, поцеловав в знак благодарности мисс Монро, спрашивала, состоится ли нынче предписанная им большая прогулка. Ее отнюдь не огорчало, если в ответ она слышала, что, пожалуй, им лучше прогуляться по саду. Мисс Монро частенько склонялась к такому решению: усталость, грязь, крутые подъемы и перспектива вымокнуть под дождем совершенно ее не прельщали. Все вышеперечисленное, с ее точки зрения, относилось к разряду «напастей», и любая прогулка по сельской местности была ими чревата. Элеонора вприпрыжку бежала в сад, ухаживала за своими цветами, играла в куклы среди древесных корней, а если получалось ненадолго выманить Диксона к цветнику, расспрашивала его про собак и лошадей. Отец, при всей своей снисходительности, строго-настрого запретил Элеоноре ходить без него на конный двор, и потому с Диксоном она встречалась либо в цветнике, либо поблизости, на траве под деревьями. Мисс Монро тем временем нежилась на солнышке возле цветочных часов – центральной клумбы пестрого цветника, одинаково хорошо видного из окна столовой и кабинета.

В час дня Элеонора и мисс Монро обедали, после чего гувернантке требовался часок покоя для правильного пищеварения, а Элеонора снова бежала в сад. Уроки возобновлялись в три и продолжались до пяти. В пять учительница и ученица шли переодеться к чаю, который им подавали в классную комнату в половине шестого. После чая Элеонора садилась делать домашнее задание, но каждую минуту при-

слушивалась, не идет ли отец, и, чуть заслышав его шаги, отбрасывала книгу и срывалась ему навстречу с объятиями и поцелуями. Отец ужинал в семь – редко в одиночестве. Как правило, четыре дня из семи он ужинал в гостях, а если выпадал свободный вечер, старался позвать кого-нибудь к себе для компании. Обычно его сотрапезником оказывался мистер Несс – вместе с мистером Корбетом, когда тот жил в Хэмли, – а иногда просто какой-то знакомый или один из клиентов. Время от времени и с большой неохотой, только чтобы не давать повода для обиды, мистер Уилкинс приглашал к себе мистера Данстера. В таких случаях трапеза длилась недолго. Отужинав, оба сразу вставали из-за стола и шли к Элеоноре в библиотеку, словно все темы для их разговора тет-а-тет были исчерпаны. С другими гостями мистер Уилкинс подолгу засиживался за столом, с каждым годом все дольше и дольше: с мистером Нессом – потому что оба любили поговорить друг с другом; с кем-то еще – потому что вино у Уилкинса было отменное и глупо было бы гостю не выпить еще, коли угощают.

Мистер Корбет обычно оставлял своего учителя и мистера Уилкинса наедине, а сам как бы невзначай заглядывал в библиотеку. Там коротали вечер Элеонора и мисс Монро, каждая со своим вышиванием. Он садился возле Элеоноры на табурет, заговаривал с ней, поддразнивал ее, тормошил, и через несколько минут молодые люди были уже целиком поглощены друг другом. Что касается мисс Монро и ее пред-

ставлений о приличиях, то на сей счет она раз навсегда решила не беспокоиться: надо думать, мистер Уилкинс знает, что делает, если допускает подобную близость между молодым человеком и собственной дочерью. Да и то сказать – она еще дитя!

С некоторых пор мистер Корбет взял себе за правило каждый день около двенадцати наведываться в Форд-Бэнк за свежим номером «Таймс» и до часу проводить время в саду – не то чтобы с Элеонорой и не то чтобы с мисс Монро, хотя первая определенно интересовала его больше, чем вторая.

У мисс Монро сложилось впечатление, что молодой человек не отказался бы разделить с ними их ранний обед, но она ни разу не предложила ему остаться, а без ее приглашения это было бы не комильфо. Он много рассказывал Элеоноре про свою мать и сестер, про их привычки и образ жизни. О матери, сестрах, отце он говорил так, словно подготавливал Элеонору к тому, что в один прекрасный день ей непременно доведется познакомиться с ними – и очень близко. Обрисованная им перспектива не вызывала у нее ни сомнений, ни возражений: Элеонора принимала ее как данность.

Мистер Корбет постоянно спрашивал себя, не лучше ли до отъезда в Кембридж поговорить с ней напрямик и заручиться ее обещанием хранить ему верность, – или оставить все как есть. Ему не хотелось на этом этапе официально просить ее руки у мистера Уилкинса, хотя по правилам именно так и следовало бы поступить, учитывая юный возраст деви-

цы, ведь ей только-только исполнилось шестнадцать. Не то чтобы он предвидел какие-либо осложнения со стороны мистера Уилкинса: его молчаливое одобрение их тесной дружбы, которая у молодых людей почти всегда заканчивается чем-то бóльшим, было красноречивее всяких слов. Но тогда неизбежно встал бы вопрос о согласии его собственного отца, а тот пребывал в полном неведении и подобную новость считал бы мальчишеской блажью. Как будто в свои двадцать один Ральф не мужчина, как будто он сам не ведает, что творит! А между тем он ясно знает, чего хочет, и полон решимости настоять на своем; точно так же он всегда будет тверд в выборе цели и не свернет с намеченного пути, пока не добьется независимости и славы – всего, чего можно добиться силой ума и силой воли!

Нет, не станет он говорить с мистером Уилкинсом, отложит разговор еще на год или два.

Но открыть ли Элеоноре свою любовь – свое намерение жениться на ней?

И вновь он осмотрительно предпочел молчание. Не потому, что боялся передумать, – он был уверен в себе. Просто он понимал, что за этим последует. Объяви он ей открыто о своих чувствах, она обязана будет поставить в известность своего отца. Если бы она поступила иначе, он сам меньше уважал бы и любил ее. Но такой поворот событий повлечет за собой дальнейшие обсуждения и в конце концов все опять упрется в его отца, а это именно то обстоятельство, из-за ко-

того он счел преждевременным просить у мистера Уилкинса руки его дочери.

В любви Элеоноры он был уверен так, как если бы она вслух произнесла все мыслимые женские клятвы; он лучше, чем она сама, знал, что ее девичье сердце без остатка принадлежит ему. Мысль о ее непостоянстве гордец не допускал. «К тому же, – убеждал он себя, – кого она здесь видит? Пустоголовых Холстеров, которые должны бы почитать за честь иметь такую кухню, а вместо этого пренебрегают ею и давеча, обедая у ее отца, свысока отзывались о нем? Недалекие жители сей английской Беотии⁶ носятся со мной как с писаной торбой, потому что мой отец ведет свой род от Плантагенетов – а вовсе не потому, что ценят меня! – и не желают знаться с Элеонорой. Они задирают нос перед ее отцом, не могут забыть, что старый Уилкинс по своему происхождению был никто. Тем хуже для них! И тем лучше для меня и моих планов. Я выше их дремучих предрассудков и с радостью назову Элеонору своей женой, дайте срок! И вообще, кто сказал, что дочь преуспевающего атторнея не пара мне? Положение младшего сына в семье незавидно. Года через три-четыре Элеонора расцветет, и это тот тип женщины, который особенно по сердцу моему отцу, – великолепная фигура, красивые руки, длинные стройные ноги. Надо

---

⁶ *Беотия* – область Центральной Греции с преимущественно крестьянским населением; в древние времена афиняне подшучивали над мужицкой тупостью беотийцев.

просто набраться терпения, не торопить события, дождаться подходящего момента – и все сложится наилучшим образом».

Он тепло простился с Элеонорой и выразил сожаление по поводу предстоящей разлуки, хотя такую прощальную речь можно было бы смело произнести на рыночной площади в Хэмли: почти теми же словами он простился и с мисс Монро. Мистер Уилкинс, пожалуй, ожидал, что молодой человек откроет ему свои чувства, – с некоторых пор отец Элеоноры стал о них догадываться. Так как этого не случилось, он приготовился выслушать признание дочери. Но ей нечего было поведать ему, в чем он совершенно уверился, наблюдая за ее откровенной, без тени смущения манерой, когда после вечерней трапезы остался с дочерью наедине. А он, между прочим, отказался от приглашения и сам не позвал к себе мистера Несса ради доверительной беседы со своей бедной девочкой, выросшей без материнского совета. И вот итог – ей попросту не в чем признаться! Мистер Уилкинс едва не рассердился; однако, увидев, что дочь, хоть и грустна, пребывает в мире с собой и людьми, начал с присущим ему оптимизмом склоняться к мысли, что молодой человек проявил благоразумие: к чему, в самом деле, преждевременно раскрывать бутон ее незрелых чувств?

Следующие два года не принесли больших перемен – по крайней мере, на взгляд небрежного наблюдателя. Как рассказывали мне те, кому довелось присутствовать на вой-

сковом смотре, марширующие по равнине полки производят странное впечатление: издали кажется, будто они печатают шаг на месте, – пока не выберешь для сравнения какой-нибудь незыблемый ориентир; в противном случае это размеренное, без конца повторяющееся движение создает у вас полную иллюзию неподвижности. Подобным образом непросто было разглядеть грядущие невзгоды в плавном течении повседневной жизни отца и дочери, а тем временем над их привычно монотонным существованием нависла беда, как если бы к воротам их дома подошел вооруженный до зубов враг. Задолго до того, как мистер Уилкинс начал различать ее контуры, она неприметно, издали надвигалась на него – как надвигается на каждого из нас в эту самую минуту: и вам, читатель, и мне, пишущей эти строки, грозит беда, каждому своя. Возможно, она покуда скрывается за туманной линией нашего горизонта, но от гулкого эха ее поступи в ночной тишине у нас больно сжимается сердце. Блаженныверяющие себя в руки Господни, а не людские; и вдвойне тяжек удел того, кто, повстречавшись с бедой, обречен до конца своих дней пить из чаши судьбы горький настой раскаяния.

Год от года мистер Уилкинс все больше предавался праздности и удовольствиям, не слишком беспокоясь о полезном содержании своего досуга: привычка во всем себе потакать обычно к тому и ведет. Он стал меньше интересоваться книгами, требовавшими мало-мальского напряжения ума, гра-

вюрами и скульптурами – теперь его больше занимали картины. Он по-прежнему тратил огромные деньги на лошадей и все чаще заботился о том, что он нынче будет есть и что пить⁷. Во всем этом не было никакой злонамеренности – не то чтобы в нем проснулась неодолимая тяга к чему-то богопротивному, изменившая весь строй его мыслей и весь образ жизни. Половина людей из его окружения жила примерно теми же заботами, сколько он мог судить по внешним признакам, не вдаваясь в детали. Однако у большинства его знакомых были свои обязанности, которые они добросовестно исполняли в те часы, когда он не мог их наблюдать. Да, я сознательно говорю «обязанности», хотя это могли быть и добровольно взятые на себя обязательства во благо общества. Так или иначе, люди почитали своим долгом заниматься делом – не важно, подразумевало оно публичные речи или вовсе обходилось без слов. И мистер Хетерингтон, главный распорядитель охоты, встававший ни свет ни заря, чтобы проверить, все ли в порядке на псарне, и присмотреть за работниками, и суровый старик сэр Лайонел Плейфэр, неподкупный мировой судья, строгий, но справедливый, и многие, многие другие – все в меру своего разумения отвечали за свое дело. Среди тех, с кем мистер Уилкинс встречался только на охоте да на званых обедах, любителей работать спустя рукава по-

---

⁷ Отсылка к Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6: 25–33).

что не было. Даже мистер Несс – хотя возложенную на него миссию главы прихода он мог бы исполнять с бóльшим рвением, – даже мистер Несс целиком отдавался занятиям с учениками и часами сидел над новым изданием римского классика. И только мистер Уилкинс, разочарованный своим статусом, манкировал своими обязанностями. Он подражал забавам стоящих выше его на общественной лестнице и завидовал их воображаемой свободе: насколько лучше распорядился бы неограниченным досугом такой человек, как он, с его утонченным умом, вкусом, воспитанием, нежели вся эта тупая деревенщина, эти грубые, ограниченные, ни разу не выезжавшие за границу сельские сквайры (чьим обществом, заметим, он отнюдь не пренебрегал).

Из сибарита-интеллектуала мистер Уилкинс все больше превращался в банального бездельника. По утрам он долго нежился в постели, а после злился на мистера Данстера за многозначительный взгляд, который помощник бросал на конторские часы, прежде чем объявить хозяину, что его уже битый час дожидается такой-то клиент, прибывший к назначенному времени.

– Отчего вы не приняли его сами, Данстер? Вы справились бы не хуже меня, нисколько в этом не сомневаюсь, – говорил в таких случаях мистер Уилкинс, отвечивая комплимент человеку, которого не любил и побаивался.

– Помилуйте, сэр, господа не желают обсуждать свои дела с подчиненным, – неизменно отвечал мистер Данстер, всем

своим тусклым тоном показывая, что понимает и принимает такой порядок вещей.

И всякий раз, когда помощник произносил нечто подобное, в голове у мистера Уилкинса мелькала мысль – чем дальше, тем отчетливее, – насколько приятнее была бы жизнь, сделай он Данстера своим партнером. Тогда можно было бы с полным основанием свалить на него всю ответственность за повседневную, рутинную работу. Докучливые клиенты, любители назначать встречу в несусветный час и являться минута в минуту, вероятно, доверили бы партнеру то, что не считали возможным доверить клерку. Такому развитию событий мешали два серьезных препятствия, и прежде всего личная неприязнь мистера Уилкинса к мистеру Данстеру, глубокое отвращение к его обществу, платью, голосу, повадке... Все в нем до такой степени раздражало хозяина, что его отношение к помощнику правильнее было бы назвать органическим неприятием. А кроме того, мистер Уилкинс ясно сознавал, что каждое слово и действие мистера Данстера тщательно продумано в расчете приблизить великую, хоть и невысказанную цель всей его жизни – перейти из разряда обслуги в деловые партнеры. С особенным злорадным удовольствием мистер Уилкинс нарочно дразнил мистера Данстера: нет-нет да и подбрасывал ему какую-нибудь фразу вроде той, что для примера приведена выше, – фразу, которая могла быть истолкована как многообещающее начало, но за которой никогда не следовало продолже-

ния. Однако мало-помалу заветная цель мистера Данстера вышла из тумана неопределенности и в конце концов была достигнута.

Мистер Данстер подозревал, что решающим толчком для хозяина послужило какое-то внешнее обстоятельство – строгий реприманд за нерадивость в делах, угроза перейти от него к другому поверенному... Мистеру Данстеру оставалось только строить догадки. Как бы то ни было, в один прекрасный день мистер Уилкинс предложил ему партнерство, хотя и сделал это в крайне неприятной форме. Но что значит форма в сравнении с существом? Грубое высокомерие легко можно пережить и даже втайне над ним посмеяться, когда перед тобой открываются невиданные перспективы, сулящие осязаемую выгоду!

Непосредственно перед этим знаменательным событием мистер Корбет сделал Элеоноре официальное предложение. По окончании университета он был принят учеником в адвокатскую палату Миддл-Темпл, усердно штудировал законодательство и не сомневался в своих возможностях добиться успеха. Элеонора должна была впервые выйти в свет на ближайшей ассамблее в Хэмли, и молодой человек начал ревниво опасаться, что ее поразительная красота и очаровательная живость разговора обеспечат ей поклонников, а ему соперников. Словом, пришло время открыть любимой свои чувства и заручиться ее обещанием связать с ним свою судьбу.

Он напрасно беспокоился и мог бы не торопиться даже

с этим первым шагом, если бы сумел оценить Элеонорино сердце, как сумел оценить ее наружность и разговор. Она давно считала себя обещанной ему и не мыслила выйти замуж за кого-либо, кроме него, – хоть до его запоздалого вопроса, хоть после. Она просто не видела необходимости в таком вопросе и несколько удивилась, услышав его:

– Элеонора, милая, ты... согласишься выйти за меня?

– Да... Ну конечно да! Иного я и не мыслю.

– Так я могу поговорить с твоим отцом? Ты разрешаешь?

– Он знает, я уверена, что знает, и очень расположен к тебе. Ах, как я счастлива!

– И все же я должен поговорить с ним до отъезда. Где мне найти его, Элеонора, любовь моя? В четыре мне нужно вернуться в город.

– Перед тем как ты пришел, я слышала его голос на конном дворе. Схожу посмотрю. Может быть, он уже отправился в контору.

Нет, в контору он не отправился, будьте уверены. Он безмятежно курил сигару у себя в кабинете, развалившись в мягком кресле возле открытого окна, и лениво просматривал все подряд объявления в «Таймс». С тех пор как Данстер стал его партнером, мистер Уилкинс еще неохотнее наведывался в контору: бывший подчиненный вообразил, будто вправе устраивать ему допрос и делать выговор!

Он встал, вынул сигару изо рта и выдвинул стул для мистера Корбета, отлично понимая, зачем тот пожаловал.

Недаром молодой человек застыл на пороге и церемонно осведомился:

– Не могли бы вы уделить мне несколько минут, мистер Уилкинс?

– Разумеется, мой юный друг. Садитесь. Сигару?

– Нет, я не курю.

Мистер Корбет презирал подобные слабости в людях, и в его ответ просочилась нотка осуждения, впрочем, совершенно ненамеренно: благодаря судьбу за то, что не скроен по общему лекалу, он не собирался тратить силы на перевоспитание ближних.

– Я хочу поговорить с вами об Элеоноре. Она полагает, что наша с ней взаимная симпатия не новость для вас.

– Э-э... – протянул мистер Уилкинс и снова взял в рот сигару, пытаясь скрыть свое волнение, ибо уже знал, что последует дальше. – Признаться, я подозревал нечто в этом роде. Я ведь тоже был молод, и сравнительно недавно. – Он вздохнул, вспомнив Летицию и свою молодость, полную радужных надежд.

– Если так, сэр, если вы догадывались о нашей взаимной симпатии и не выказывали по этому поводу никакого неодобрения, я смею надеяться, что вы не откажете дать согласие на наш брак, о чем я вас покорнейше прошу.

Некоторое время мистер Уилкинс молчал. Одного прикосновения, одной мысли, одного слова сейчас было бы довольно, чтобы у него на глаза навернулись слезы: только в эту

минуту он понял, как тяжело ему дать согласие, которое разлучит его с единственной дочерью. Он резко встал и пожал руку обескураженному жениху (продолжительное молчание повергло мистера Корбета в полное замешательство – он не мог постичь, что творится в душе отца), после чего наконец произнес:

– Да! Благослови Господь вас обоих! Я выдам ее за вас... когда придет время... Но до этого еще далеко. А сейчас идите... идите к ней... Все, не могу больше!..

Мистер Корбет вернулся к Элеоноре, а мистер Уилкинс сел в кресло и спрятал лицо в ладонях. Потом пошел на конюшню, велел оседлать скакуна по кличке Огонь и галопом умчался в поля. Мистер Данстер напрасно прождал его в конторе вместе с упрямым сельским джентльменом, который приехал из отдаленной части графства. Старик не желал знать никаких партнеров и сердито повторял, что ему срочно нужно видеть мистера Уилкинса по важному делу.

Глава пятая

Несколько дней спустя родитель Элеоноры пришел к мысли, что сложившиеся обстоятельства требуют дальнейших шагов и прежде всего необходимо выяснить, одобряет ли предстоящий брак семья молодого человека. С этой целью мистер Уилкинс написал Ральфу в высшей степени любезное и элегантное письмо, для начала выразив уверенность, что отец Ральфа уже извещен о помолвке сына. Далее мистер Уилкинс постарался четко изложить свое понимание ситуации. Он, мистер Уилкинс, давно наслышан о мистере Корбете-старшем и его видном положении в Шропшире, тогда как мистер Корбет, вероятно, впервые слышит о мистере Уилкинсе по причине их различного общественного статуса, на какое-то различие мистер Уилкинс не намерен закрывать глаза, хотя в своих краях он человек известный, поскольку фактически является главным юристом графства по вопросам земли и недвижимости, продолжая дело, унаследованное им от отца и деда. К тому же его покойная жена – отпрыск древнего рода Холстеров, а сам он принадлежит к младшей ветви де Уинтонов, или Уилкинсов, из Южного Уэльса. Его дочь Элеонора, будучи единственным ребенком в семье, впоследствии унаследует все его имущество и состояние; сейчас же он, разумеется, готов дать за ней приданое и выделить ей содержание, но считает преждевременным входить в детали,

пока дата свадьбы не определена.

Мистер Уилкинс был доволен собой – хорошее, честное письмо, вполне соответствующее своему назначению: он не сомневался, что Ральф незамедлительно переправит его письмо своему отцу. Казалось бы, разница в статусе жениха и невесты была не столь вопиющей, чтобы помолвка Ральфа и Элеоноры вызвала серьезный протест. Но к несчастью, капитан Корбет, старший сын и наследник сквайра, ни раньше ни позже сделал предложение леди Марии Брабант, дочери одного из самых заносчивых аристократов в том самом графстве, где жили Уилкинсы. Эта особа всегда возмущалась тем, что мистер Уилкинс допущен в местное общество, и демонстративно игнорировала его за столом, почитая его присутствие оскорблением для себя и всего графства. Когда письмо Ральфа с вложенным в него письмом мистера Уилкинса достигло фамильного гнезда Корбетов, там как раз гостила леди Мария, которая, недолго думая, повторила вслух мнения и суждения своего отца, отвечая на расспросы миссис Корбет и ее дочерей, желавших знать из первых рук, кто такие эти Уилкинсы. Они припомнили, что Ральф и раньше упоминал это имя в своих письмах – речь шла о каком-то приятеле мистера Несса, священника, готовившего Ральфа к экзаменам; кажется, время от времени Ральфа вместе с мистером Нессом приглашали к Уилкинсам на ужин.

Леди Мария, девушка вполне доброжелательная, повторила слово в слово высказывания своего отца без злого умысла,

хотя, чего греха таить, известие о помолвке Ральфа ее не обрадовало: если бы этот брак состоялся, она породнилась бы с дочерью «высочки-атторнея», на которого в свете смотрят как на белую ворону и презирают за то, что он «вечно пытается втереться в высшее общество», не имея на то никаких прав, и нагло заявляет о своем родстве с де Уинтонами, владельцами замка Х., а те, как ей доподлинно известно, узнав о его притязаниях, только смеются, дескать, «родственники растут как грибы после дождя». Короче говоря, с такими людьми ее отец «не станет знаться и ни на какие семейные связи не посмотрит»!

Ее разъяснения возымели действие, на которое произносившая их девица, разумеется, не рассчитывала: миссис Корбет с дочерьми решительно восстали против глупой помолвки Ральфа – попросту отказывались признать ее. Дамы принялись уговаривать, убеждать, умолять сквайра, пока он – жаждавший покоя любой ценой и всегда склонный скорее согласиться с теми, кто рядом, даже если их требования неразумны, нежели с теми, кого рядом нет, даже если отсутствующие наделены мудростью Соломона или осмотрительностью и благоразумием его сына Ральфа, – пока он не написал сердитое ответное письмо. Суть его сводилась к следующему: поскольку Ральф достиг совершеннолетия, он, несомненно, вправе поступать, как ему угодно, и единственное, что остается его отцу, – со всей определенностью заявить, что такая помолвка ни в коей мере не отвечает чаяниям его

родителей; что это унижение для семьи, которая намерена вскорости связать себя родственными узами с наследным пэром, получившим свой титул от Якова Первого; что, разумеется, Ральф свободен в своем выборе, но, если он все-таки женится на этой девице, пусть не надеется, что в Корбет-холле ее примут как дочь. Удовлетворенный своим сочинением, сквайр дал прочесть его жене, но та нашла общий тон недостаточно суровым и вложила короткую записку от себя.

Дорогой Ральф!

Несмотря на то что после моей смерти тебе, как младшему сыну, достанется Бромли, я могу при желании обесценить твое наследство. До сих пор забота о твоём благе удерживала меня от некоторых шагов, включая продажу строевого леса и проч., которые значительно увеличили бы долю твоих сестер. Но я, безусловно, решусь на эту справедливую меру, если ты станешь упорствовать и не разорвешь свою глупую помолвку. Впрочем, недовольство твоего отца – вполне достаточная причина, чтобы одуматься.

Ральф был раздосадован родительскими посланиями, но, заперев их на ключ в ящике письменного стола, снисходительно улыбнулся.

«Бедный папаша! Эх его разобрало! Ну, с маменькой я все улажу, урезонить ее будет нетрудно. Надо только довести до ее сознания, какое богатство наследует Элеонора, а там пусть

себе продает свой лес... Эту угрозу я слышу с тех пор, как оседлал деревянную лошадку, притом последние десять лет я отлично знаю, что по закону у матери нет на это права... Ничего, она смирится. Родителям пока невдомек, сколько долгов набрал Реджинальд под свое будущее наследство, а его высокородная ханжа леди Мария, на которую они чуть не молятся, просто фламандская корова в сравнении с моей Элеонорой – не говоря уже о том, что у нее нет ни гроша за душой! Посмотрим, чья возьмет, дорогие родственнички!»

Он не видел надобности немедленно отвечать на эпистолы из Корбет-холла, как и открывать Элеоноре их содержание. Мистер Уилкинс, весьма довольный, как мы помним, своим письмом молодому человеку, полагал, что оно и на остальных произведет благоприятное впечатление, и не предвидел возражений, поскольку не догадывался, сколь важную роль в санкционировании помолвки Ральфа играют друзья семьи.

Что до Элеоноры, она вся дрожала от счастья. Лето стояло чудесное – такого цветения, такого урожая фруктов давно не видели в этих краях. Казалось, щедрая и любящая мать-природа вознамерилась до краев наполнить Элеонорину чашу радости; казалось, все живое и неживое разделяет безмерное счастье девушки. Отец ее был здоров и весел, по крайней мере внешне. Мисс Монро была сама доброта. Диксон почти перестал хромать. И только мистер Данстер омрачал картину, бродя как тень по дому в поисках ее отца – под предлогом «неотложного дела» – и нарушая его покой своим тусклым,

пожелтелым, как пергамент, вечно озабоченным лицом. Элеонора чувствовала, что этот человек вносит какую-то тревогу в благостное течение их жизни.

Элеонора дебютировала на ассамблее в Хэмли, но, вопреки ожиданиям отца и жениха, большого фурора не произвела. Да, тонкие знатоки восхитились ее красотой и врожденной грацией, однако, по мнению большинства, ей не хватало «стиля». Что разумели под этим придирчивые арбитры, можно только гадать. Упрекнуть ее в недостатке элегантности решительно было нельзя: у нее была прекрасная фигура, а в движениях, хоть и робких, сквозило изящество. Просто местная ассамблея не вполне подходила для того, чтобы по достоинству оценить мисс Уилкинс. Некоторые престарелые дамы сочли ее появление возмутительным, но получили решительный отпор от леди Холстер (которая, впрочем, не забыла о ссоре своего мужа с мистером Уилкинсом и, когда Элеонора оказывалась поблизости, отводила взгляд в сторону): «Мисс Уилкинс принадлежит к роду сэра Фрэнка, одному из старейших в графстве. Возможно, много лет назад не стоило допускать в общество ее отца, но уж коли он принят в свете, совершенно непонятно, какие могут быть возражения против мисс Уилкинс». В тот вечер самой большой наградой для Элеоноры было услышать от отца, когда они возвращались домой в экипаже:

– Знаешь, милая, сегодня смотрел я на тебя и думал: «Моя Нелли краше всех на этом балу!» И уверяю тебя, кое-кто со-

гласился бы со мной, если бы посмел вслух выразить свое мнение.

– Спасибо, папá! – сказала Элеонора, стиснув его руку, которую всю дорогу держала в своей руке.

Она подумала, что отец намекает на Ральфа: мол, будь здесь ее суженый, он подтвердил бы его слова. Но нет, мистер Уилкинс редко вспоминал об отсутствующих. Просто его отцовскому самолюбию польстило, что лорд Хильдебранд, заметив Элеонору, поднял к глазам лорнет.

– Твои жемчуга тоже неплохи, дитя мое, получше, чем у многих... Только вот оправа... Веточки нынче не в моде. Завтра принеси мне весь гарнитур, отправлю Хэнкоку⁸ переделать.

– Папá, не надо! Пожалуйста, пусть остаются как есть... как мама носила.

На минуту он поддался сентиментальному порыву:

– Будь по-твоему, моя милая, храни тебя Бог за твою добрую память!

Для следующей ассамблеи он заказал ей новый сапфировый гарнитур.

Балы эти были не такого свойства, чтобы от успеха у Элеоноры закружилась голова и она полюбила шумное веселье. Гости съезжались из окрестных усадеб большими компаниями и танцевали друг с другом. Исчерпав собственные ре-

---

⁸ Имеется в виду лондонская ювелирная фирма «Хэнкок и К^о», основанная Чарльзом Ф. Хэнкоком в 1849 г.

сурсы, они, как правило, дарили несколько танцев близким друзьям одного с ними круга. Элеонора появлялась в сопровождении отца и всегда садилась рядом с одной старой дамой, заядлой картежницей, словно та была ее дуэньей. Эта дама, некогда многим обязанная фирме «Уилкинс и сын», вечно рассыпалась в извинениях перед знакомыми за то, что по слабости характера потекает глупой блажи мистера Уилкинса, который старается ввести свою дочь в высшее общество, хотя ей там не место. Этой-то даме после очередного ее подобного высказывания леди Холстер и напомнила о родословной Элеонориной матушки. Получив отповедь от миледи, старуха несколько стушеввалась и стала осторожнее в речах – но не стала внимательнее к Элеоноре. Она позволяла мистеру Уилкинсу усаживать дочь подле себя на алую банкетку, изредка заговаривала с ней в перерыве между робберами⁹, пока в игровой комнате шли приготовления к новой партии, предлагала девице принять участие в безобидной утехе за ломберным столом, а когда Элеонора вежливо отказывалась, предпочитая остаться с отцом, старуха покидала ее с любезной улыбкой на пухлом лице и с чистой совестью под толстым слоем жира: она исполнила все, чего можно требовать от нее, по отношению к «дочери этого Уилкинса». Обычно Элеонора стояла возле отца, наблюдая за танцами, и радовалась, если ей тоже выпадал шанс потанцевать. Усадив ее подле «дуэньи», мистер Уилкинс не спеша обхо-

---

⁹ *Роббер* – в висте законченный круг игры.

дил зал и, когда видел плодородную почву, вскользь упоминал, что на балу присутствует его дочь, – вдруг да оброненное им зерно принесет плоды в виде кавалеров для дочери. Некоторые откликались на завуалированный призыв мистера Уилкинса из симпатии к нему, другие приглашали Элеонору, потому что уже отдали долг своей компании и могли выбирать кого хочется. В среднем у нее выходило одно приглашение на три танца, и то под занавес ассамблеи.

Принимая во внимание ее природную красоту и неустанную заботу отца о ее внешнем облике, Элеонора не пользовалась и десятой долей того успеха, на который по праву могла претендовать. Но задевало ее не отсутствие успеха, а отсутствие партнеров по танцам. Простояв или просидев неподвижно добрую половину вечера, она поневоле чувствовала себя отверженной. Если бы не желание угодить отцу, Элеонора предпочла бы остаться дома – все лучше, чем вести пустые разговоры с кем попало, вплоть до равнодушной старой «дуэньи»; однако, оказавшись возле отца, она весело щебетала, лишь бы он не подумал, что ей скучно.

Да и какое все это имело значение, если каждый день ее жизни был озарен таким счастьем, что, оглядываясь потом на то благословенное время, она не могла вообразить ничего светлее и радостнее. Каким восторгом наполнялось ее сердце, когда приходили письма от любимого; с каким волнением она отвечала на них (всегда немного опасаясь под наплывом чувств переступить спасительную грань девичьей благопри-

стойности); как согревали ее любовь и одобрение отца; каким покоем и благополучием дышал их домашний уклад... Пройдет немного времени, и те невозвратные дни покажутся счастливым сном.

Мистер Корбет приезжал в Хэмли повидаться с ней. Ночевал он всегда у мистера Несса, но большую часть дня между двумя ночами (дольше пробыть у него не получалось) проводил в усадьбе Форд-Бэнк. Даже такие короткие наезды случались нечасто, поскольку все свое время и силы Ральф отдавал юриспруденции. Распорядок его жизни был подчинен амбициозным целям, которые он поставил перед собой, и ему доставляло особую радость наблюдать, как другие, кто пришел в адвокатскую палату вместе с ним, явно уступают ему и не могут за ним угнаться. Письма Элеоноры он читал и перечитывал по многу раз; собственно, больше он ничего и не читал – кроме трудов по юриспруденции, разумеется. Ральф легко расшифровал ее осторожные любовные признания, скрывавшиеся за общим ровным тоном; эта попытка утаить шило в мешке его и забавляла, и трогала. Он был доволен, что ее увеселения оказались на поверку не так уж веселы; доволен, что она не пользовалась бешеным успехом, хотя и отказывался понимать, куда смотрят все эти джентльмены. Объявись у Элеоноры настойчивые поклонники, Ральфу пришлось бы принять более решительные меры для закрепления своих прав на нее, а не ограничиться наполовину тайной помолвкой: некоторое время назад он призвал Элео-

нору обратиться к отцу с просьбой не предавать их уговор широкой огласке, пока он, Ральф, не поймет, что его положение позволяет ему жениться. Если бы обстоятельства вынудили его сделать поспешный шаг – первый и последний в его жизни безоглядный поступок, на который он готов был в крайнем случае решиться, – это могло бы повредить его репутации здравомыслящего и рассудительного человека, ведь пока еще он ходит в учениках. Мистер Уилкинс слегка удивился, но ответил согласием, как привык отвечать на любую просьбу Элеоноры. Конечно, мистер Несс был в курсе дела и в окружении леди Марии кто-то что-то слышал – да тут же и забыл. Среди прочих никто не проявлял к Элеоноре настолько глубокого интереса, чтобы доискиваться, помолвлена она или нет.

Все это время мистер Ральф Корбет в общении с членами своей семьи демонстрировал спокойную решимость: да, он помолвлен с мисс Уилкинс и может только сожалеть, что этот факт вызывает у семьи неодобрение. Так как обстоятельства не позволяют ему жениться немедленно, он уповает на то, что через некоторое время его семья сумеет посмотреть на вещи более трезво и, когда свадьба наконец состоится, примет его жену со всем подобающим уважением, если не с любовью. Вот квинтэссенция того, что он на разные лады снова и снова повторял в ответ на гневные письма отца. И мало-помалу его непреклонность возымела действие: отцовские громы и молнии сменились глухими раскатами от-

ступающей грозы. Вместе с тем закономерно возник вопрос о финансовом благополучии мисс Уилкинс – какими средствами она будет располагать при вступлении в брак и какое имущество она со временем унаследует. Что ж, мистер Ральф Корбет и сам желал бы ясности в этом вопросе, хотя и не слишком задумывался о нем, когда делал Элеоноре предложение: он был так молод, так влюблен!.. В любом случае единственная дочь состоятельного атторнея должна получить в свое распоряжение немалые средства, а это было бы весьма кстати – приличное содержание позволило бы молодой паре обустроить жизнь в сравнительно респектабельной части города и помогло бы Ральфу начать карьеру не на пустом месте. Соответственно, Ральф предложил своему отцу письменно изложить интересующие того вопросы – но не так откровенно и грубо, как они прозвучали в письме к сыну, – и направить их ему, Ральфу, с тем чтобы он сам обратился к мистеру Уилкинсу с просьбой разъяснить финансовые перспективы Элеоноры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.